

В. П. СТЕПАНОВ

НОВИКОВ И ЧУЛКОВ

(Литературные взаимоотношения)

В биографиях Чулкова и Новикова много внешних совпадений. Они были ровесниками и в немногочисленном кругу литераторов XVIII в. их пути неоднократно перекрещивались, сходились и расходились. И тем не менее их литературная и общественная судьба оказалась очень различной.

И Чулков, и Новиков одновременно учились в гимназии при Московском университете. Солдатский сын Чулков получал начатки знаний в разночинной «латинской» школе; столбовой дворянин Новиков слушал лекции профессоров университета в «дворянской» гимназии. Чулков из учеников «по указу вместе с прочими» был взят на службу, чтобы сначала стать актером, затем придворным лакеем, квартирмейстером, чиновником Сената и, наконец, достигь предела мечтаний — потомственного дворянства. В это же время Новиков был отчислен из университета за «леность и нехождение в классы» и удалился в свое поместье для приведения в порядок семейных дел.

Казалось бы, их пути окончательно разошлись. Тем не менее первый шаг на литературном поприще Чулков сделал именно с помощью Новикова. В 1766 г. Новиков, решившись заняться книжной торговлей, взял на комиссию (т. е. в счет будущей выручки выкупил из типографии) 1-й том чулковского «Пересмешника». В том же году он напечатал на свой счет также и первый перевод М. И. Попова «Две повести: Аристоноевы приключения и Рождение людей Промифеевых». Деньги для этих операций (120 руб. серебром) Новиков занял у московского книгопродавца Вевера.¹

¹ Макогоненко Г. П. Николай Новиков и русское Просвещение XVIII века. М.—Л., 1954, с. 55—57; Семенников В. П. Материалы для истории русской литературы и для словаря писателей эпохи Екатерины II. СПб., 1914, с. 74—75. Первая из повестей сборника Попова ранее уже была издана в переводе А. В. Храповицкого.

Попова и Чулкова в 60-е годы связывали тесные дружеские отношения. Оба они были актерами русской придворной труппы. Они совместно работали над словарем русского языка.² Попов написал стихотворные куплеты к пьесе Чулкова «Как хочешь назови», был постоянным сотрудником «И то и сьо» в первые месяцы его издания. Из почтительного письма Попова, которое было помещено при издании перевода «Двух повестей», видно, что Новиков давно был знаком с трудами переводчика. Таким образом, очевидно, что во время службы в Измайловском полку Новиков патронировал начинающих «мелкотравчатых» литераторов. Впрочем, книготорговый эпизод 1766 г. был мимолетным в деятельности Новикова. Остальные части «Пересмешника» печатались на кошт самых различных лиц, что свидетельствует как о существовании спроса на сборник, так и о незavidных финансовых обстоятельствах его автора. Тираж «Краткого мифологического лексикона» (1766) Чулков не смог выкупить из типографии, и книга была за долги продана через Академическую книжную лавку в 1770 г.³

В конце 1767 г. Чулков и Новиков почти одновременно уехали в Москву: первый вместе с двором по обязанности придворного квартирмейстера, второй для «исполнения письменных дел у сочинения проекта нового Уложения».⁴ Об их отношениях в это время сведений не имеется.

В печати они встретились в 1769 г. на поприще сатирической журналистики уже не как литературные соратники, а как соперники.

Центральным литературно-общественным вопросом, вокруг которого разгорелся спор в 1769 г., был вопрос о характере и формах сатиры. Две точки зрения на нее, сформулированные в процессе полемики, определяли два противостоящих друг другу лагеря.

Главными участниками полемики были «Всякая всячина», за издателями которой анонимно стояла Екатерина II, и «Трутень» Новикова.

Издатели «Всякой всячины» хотя и объявили главной своей целью подавать «полезные наставления», не отказывались полностью от сатиры. Однако вскоре выяснилось, что они заключают ее в очень узкие рамки обличения общечеловеческих недостатков и слабостей. Такое толкование не было чем-то оригинальным. Еще академические «Ежемесячные сочинения», ссылаясь на Гольберга, пропагандировали сатиру, которая лично

² Чулков М. Д. «Известие» (1790 г.). Цит. по перепечатке Н. С. Тихонравова: *Летописи истории русской литературы и древности*, 1859, т. 1, кн. 2, отд. III, с. 198.

³ Семенов В. П. *Материалы...*, с. 133; Архив АН СССР, ф. 3, оп. I, № 323, л. 244—249; № 537, л. 56, 247.

⁴ О пребывании Чулкова в Москве см. примечания к его «Оде», с. 168 настоящего сборника.

не задевает порочного человека: в противном случае сатира, вместо того чтобы исправлять людей, превращается в орудие личной мести и оскорбления. Такую же точку зрения излагал в «Эпистоле о стихотворстве» Сумароков, ее придерживались и журналы херасковского кружка.⁵

Реально памфлетная сатира (в творчестве того же Сумарокова) существовала в России несмотря на теоретические запреты. Но в 1769 г. изменилось ее понимание. «За видимой полемикой о допустимости сатиры „на лицо“, — пишет П. Н. Берков, — шла борьба за право писателя критиковать не только вредные общественные явления, но и виновников их, выражать свободно и открыто свое возмущение поступками „знатных особ“, не исключая и самой Екатерины. Спор о характере сатирической литературы превращался в борьбу за свободное общественное мнение».⁶ Отразив возникновение оппозиционного общественного мнения, полемика о сатире усилила и ускорила размежевание в литературе.

Наблюдения П. Н. Беркова над участием Чулкова в журнальных стычках как будто подводят к мысли (хотя автор ее и не формулирует), что Чулков равно враждовал со всеми издателями. Это же видимое многообразие полемики заставило в свое время В. Шкловского назвать Чулкова «писателем вне группировок».⁷ Однако, как кажется, при всей активности Чулкова-полемиста, у него были в современной литературе свои симпатии и антипатии.

Чулков был первым, кто откликнулся на опубликованный во «Всеякой всячине» призыв Екатерины II к писателям последовать ее примеру и приступить к изданию сатирических журналов. «И то и сьо» начал выходить еженедельно по вторникам с 13 января. Чулков уже знал о намерении «Всеякой всячины» исправлять нравы и о ее желании видеть, как «добрый вкус и здравое рассуждение <...> одною рукою прогоняют дурачества и вздоры, а другою доброе поколение всякия всячины за руку ведут».⁸

Между тем кое-что в новом журнале не понравилось «родоначальнице» сатирической журналистики. В третьем листе «И то и сьо» появилась статья, в которой издатель извинялся, что вовремя не обратился с приветствием к предшественнице. Он просил не истолковать его забывчивость в дурную сторону и подчеркнул, что вовсе не принадлежит к тем людям, «у которых шапки прибиты к голове алтынными гвоздями, которые обходят по три улицы, лишь бы не встретиться с человеком почтенным и достойным всякой чести и не помять головной своей по-

⁵ Кулакова Л. И. Очерки истории русской эстетической мысли XVIII века. Л., 1968, с. 98—101.

⁶ Берков П. Н. История русской журналистики XVIII века. М.—Л., 1952, с. 173. Далее: Берков. История журналистики.

⁷ Шкловский В. Чулков и Левшин. Л., 1933, с. 79.

⁸ Всякая всячина, 1769, л. 1, с. 3 (нenum.). Далее при ссылках в тексте сокращенно — ВВ (с указанием страниц).

крышки».⁹ Таким образом, он сразу отмежевался от «хулителей», о которых «Всякая всячина» упомянула в статье «Неблагодарность вреднейший есть порок» (ВВ, с. 6). Заодно Чулков, с оглядкой на заявленную «Всякой всячиной» программу, определил границы своих намерений в качестве журналиста. Если там было заявлено, что читатели получают полезные наставления, увеселительные сочинения и сатиру («Ко читателю», ВВ, с. 4), то Чулков представился как человек смиренный и снисходительный. Исправлять он никого не собирался, «титул народного учителя» на себя не принимал, а писать собирался о том, что ему «возможно и о чем имеет действительное сведение <...>; вначале о хорошем, потом о посредственном, а наконец и о худом». Под «именем худа» он «разумел малые вещи».

Подробность объяснений и вежливый тон статьи создают впечатление, что если Чулков и не знал, кто конкретно издает журнал, то во всяком случае был осведомлен о влиятельности кружка издателей. С другой стороны, создается впечатление, что он как будто намекал на какую-то связь между организацией «Всякой всячины» и началом своего журнала. Он шутил, что мог бы написать целую родословную, по которой «Всякая всячина» приходится ему старшей сестрой. «Причитаясь» в столь близкую и равную родню, Чулков, как вскоре выяснилось, допустил серьезную бестактность, тем более что и в литературном отношении он поставил свою музу рядом с музой Козицкого и Екатерины II. «Всякая всячина» родилась на Парнасе, рассуждал он, «да и я неподалеку оттуда», «тебя производила муза, да и меня, я думаю, та же», «близки мы друг другу, как солнце к огню». Разница между тем была большая. С одной стороны, выступали писатели со сложившейся репутацией, вроде Козицкого и Елагина, с намерением пропагандировать серьезную политическую программу. С другой — за издание журнала взялся автор развлекательного сборника повестей «Пересмешник», педоучившийся гимназист Московского университета, придворный квартирмейстер, преследовавший при этом чуть ли не меркантильные соображения.

Первый лист «Всякой всячины» раздавался бесплатно. Чулков на титуле своего рекламного листа приписал: «Строками служу, бумагой бью челом, а обоим вообще извольте покупать, купив же считайте за подарок, для того, что небольшого оно стоит». А далее, хотя и в шуточной форме, призывал читателей, не скупясь, оплачивать его труды не столько похвалой, сколько деньгами: «Я, право, не отрекусь». «Всякая всячина» ожидала серьезной поддержки своим взглядам. Чулков же собирался «смешить людей благоразумных» (л. 1), «угождать тем людям, которые всеми силами стараются убраться от дела, а упражняются в бездельи» (л. 2).

⁹ И то и сьо, 1769, л. 3. Далее ссылки на это издание в тексте (с указанием номера недели-листа).

Кроме того, Чулков широко предоставил страницы «И то и сь» крупнейшему из писателей-современников Сумарокову, который сначала собирался сотрудничать во «Всякой всячине».¹⁰ 13 февраля А. В. Храповицкий «под именем девицы», корреспондентки «Всякой всячины», раскритиковал на ее страницах комедию Лукина «Зять и тесть» (ВВ, с. 43—46). Напечатав письмо Храповицкого, редакция тем не менее выступила в защиту драматурга, расценив замечания критика как мелочные придирки. По мнению издателей, для процветания литературы нужно не столько критиковать, сколько поощрять писателей. Сумароков ответил в «И то и сь» «Письмом к г. А. В. о его письме во „Всякую всячину“ под именем девицы» (л. 5), отстаивая пользу литературных споров, а в следующем номере поместил «Противуречие г. Примечаеву». Данная статья была особенно неприятна Екатерине II. Совместно с Козицким и А. П. Шуваловым она в это время работала над известным «Антидотом», возражением на книгу Шаппа д'Отероша о России. Разделение всех русских обычаев на «природные» (хорошие) и «дурные», перешедшие от татар, которое делал безвестный корреспондент «Евдоким Примечаев», было ей очень на руку, и редакция «Всякой всячины» полностью одобрила мысли своего корреспондента: «Принимаем их за законнорожденные наши» (ВВ, с. 36). Сумароков обратился не к древности, а к современности, заявив, что «худые нравы от худых сердец и от малого просвещения происходят» (л. 6). «Всякая всячина» сделала вид, что не заметила возражения Сумарокова, а шутки над татарскими обычаями продолжали печататься в журнале.

Таковы были ранние трения и расхождения между Чулковым и «Всякой всячиной», которые закончились печатным обоюдным объяснением. Выговор Чулкову содержался в номере от 13 марта, посвященном развертывавшейся журнальной полемике. К этому времени помимо «И то и сь» начали выходить еще два журнала: «Полезное с приятным» и «Ни то, ни се». В первом 7 марта появилось письмо «О ревности» против Лукина.¹¹ «Всякая всячина» напечатала статьи, направленные против «Ни то, ни се», поступившие в редакцию за подписями «Ибрагима Курмамета» и «Фалалея, который много написал, а толку мало» (ВВ, с. 75—79). Смысл ее выступления заключался не в осуждении журнала В. Рубана и С. Башилова; напротив, это издание «Всякая всячина» называла «почтительным и ласковым внуком», «утвердившим искреннюю любовь к нему прародительницы» (ВВ, с. 74). Подлинные причины недовольства «внуками» выясняются из редакционной статьи. Весь этот пассаж, обращенный как к Ру-

¹⁰ Его притчи были напечатаны в номере от 6 февраля (с. 33).

¹¹ Полезное с приятным, 1769, полумесяц 4, с. 13—16. Далее при ссылках в тексте сокращенно — ПП (с указанием номера-полумесяца и страниц). О дате выхода см.: Берков. История журналистики, с. 232.

бану, так и к Чулкову, имел целью показать им выгоды объединения вокруг «Всякой всячины». «Бабушка» призывала издателей критически относиться к сотрудникам, часто анонимным, стремящимся использовать журналы в своих целях. Публикуя два грубых письма об «Ни то, ни се», «Всякая всячина» как бы говорила, что полемика угрожает не только ей. «Для пользы племени есть средство, — поучала она. — Незамай они пишут, а мы браниться не станем. Итак, пусть будут без удачи те, кои по французской пословице между коркою и деревом пальцы положили» (ВВ, с. 79). Именно так понял этот дипломатический ход некто Неспускалов, предположив, что письма Курмамента и Фалалея сочинены специально для данного случая самими издателями и что эти корреспонденты журнала «не гораздо надежны».¹²

Все эти наставления относились в первую очередь к Чулкову, так как журнал «Ни то, ни се», начавшийся только 21 февраля, к ссорам еще не был причастен. Сравнивая журналы Рубана и Чулкова, «Всякая всячина» ясно выразила свое отношение к «И то и сьо». «Первороденный сын» оказался так мало благодарен родительнице своей, что «называл ее безо всякого почтения большою сестрицею»; разочарованно было упомянуто «о многих прочих его проступках противу матери», из-за которых «смолода он не обещал много соответствовать надежде об нем родительской» (ВВ, с. 74). Главным «проступком» были, очевидно, упоминавшиеся статьи Сумарокова.

На выступление «Всякой всячины» откликнулись оба журнала. Рубан и Башилов вступили в перебранку с Курмаментам и Фалалеем, а «бабушке» заявили, что они «хотя и внучки, но на возраст» и не нуждаются в поучениях (ТС, № 5, с. 37).

Чулков также не пропустил замечаний журнала Екатерины II, однакоотреагировал на них не прямо, а косвенно. Около этого времени (л. 8) он начал свою полемику с «Поденьщиной», которую продолжил и закончил в девятой неделе (17 марта). Статья о В. Тузове завершалась общими рассуждениями о журнальных спорах, причем Чулков полностью согласился с осуждением журнальной войны. «Почти все наши записки наполнены ссорой, которая нимало не приличествует журналам, ибо не на том они должны иметь свое основание, а должны содержать важное с полезным», — писал он. Ранее напечатав письмо Сумарокова в защиту литературной критики, теперь он уклончиво заявляет, что «здесь таких людей весьма мало, которые бы со вкусом критиковать могли». Кроме того, в статье содержатся объяснения насчет каких-то «невольных проступков» самого Чулкова, каких-то высказываний, неправильно истолкованных. Чулков объясняет свои «проступки» непривычкой к светской дипломатии и даже намекает, что отчасти они не от него зависели.

¹² Ни то, ни се, 1769, № 5, 21 марта, с 33. Далее при ссылках в тексте сокращенно — ТС (с указанием номера и страниц).

«Кто не умеет танцевать, тот еще чаще делает проступки в своей жизни. Я тот, который говорю и что говорю, не знаю <...> как уже могу без ошибки выступать по целому свету, следовательно и винить меня не должно, ежели я в чем проступился, а разве укорять только тем, для чего я, пропустив молодые мои лета, хотя и теперь не стар, не учился танцевать... Чувствую я по планете моей, что моралистом быть не способен и не к тому родился, да и при рождении моем за то не брался, хотя и попове желают сделать меня важным. Я пишу единственно для одного увеселения и другого намерения не имею» (л. 9).

Таким образом, «И то и сьо» занял в данном случае позицию более умеренную и примирительную, чем журнал Рубана. Характерно, что за кулисами журналистики Чулкова, вероятно, упрекали за эту уступчивость, так как в десятой неделе он вновь вернулся к теме полемики и подтвердил, что «по слову своему» примиряется со всем светом, «не опасаяся имени труса и не бояся названия быть кому-нибудь подобным».

Этот момент был переломным для журнала. Правда, в одиннадцатой неделе еще печатается письмо Незнаева о «Поденьщине», но Чулков отмежевался от полемики стихами «К чему меня, к чему Н...<езнаев?> принуждаешь...». Затем в «И то и сьо» начинается печататься сказка о Нетоне (пересказ-переделка «Золотого осла» Апулея), нейтральные стихи М. Попова и бытовые зарисовки городских нравов самого Чулкова. В шестнадцатой неделе Чулков поместил стихи «Молодому рифмачу» в защиту Ибрагима Курмамента (т. е. Лукина),¹³ а в двадцать третьей (конец июня) — новое письмо ко «Всякой всячине».

К этому времени начали выходить «Трутень» и «Смесь», бескомпромиссно и смело вступившие в спор о сатире «на лицо». Письмо Правдолюбова в защиту А.<блесимова>, послужившее началом основной полемики 1769 г., появилось в «Трутне» от 26 мая, а 5 июня «Всякая всячина» ответила на него редакционной статьей. Тон ее был гневным. Правдолюбоб-Новиков обвинялся в меланхолии, от которой «ему бы хотелось за все да про все кнутом сечь» (ВВ, с. 174—175). Неделю спустя «Всякая всячина» публично назвала его лжецом, а обличительные статьи «Трутня» — ложью, придуманной «для делания зла» (ВВ, с. 181—183). Екатерина желала ввести сатиру и критику в границы умеренности, предотвратить борьбу за радикальные перемены. Она преподнесла читателям свою концепцию преобразований, построенную на житейской философии, что никто не без слабостей, един бог совершенен и никому из смертных не дано права

¹³ Берков. История журналистики, с. 238—239. К аргументации Беркова, основанной на наблюдениях над журнальной полемикой, добавим следующее. Во «Всякой величине» Ибрагим Курмамента подчеркивает, что он по происхождению не русский, а из сибирских татар. В одном из прошений Екатерине II Лукин называет себя «бедным чужестранцем» (ЦГАДА, ф. 10, д. 602, л. 141).

судить ближнего; нужно иметь человеколюбие и снисхождение к человеческим слабостям (ВВ, с. 141, 150, 174).

С началом полемики между Екатериной и Новиковым размежевание в журналистике достигло кульминации. Чулков полностью оказался на стороне «Всякой всячины». «Разумные и беспристрастные ваши рассуждения о человеческих свойствах, — обращается он к ней в письме, — усугубляют к вам мое усердное и искреннее высокопочитание и принуждают меня непременно им следовать; может быть, через сие воздвигну я на себя ненависть некоторых людей, но мне рассудилось лучше угодить вам, как добродетелию преисполненной особе, нежели опасаться таких людей, которые подвержены не надлежащему самолюбию» (л. 23). Хотя имена не названы, общая расстановка сил показывает, что обвинение в «самолюбии», которое журнал Екатерины уже выдвигал против Сумарокова,¹⁴ в данном случае относилось к изданиям, оппозиционным «Всякой всячине», а персонально — к Новикову и Эмину.

Чулков завершил свое обращение выражением надежды, что в силу своей «неограниченной преданности» он будет «иметь особое счастье» называться покорным и преданным слугой «Всякой всячины». Чулков также предложил свои услуги в качестве защитника «Всякой всячины», поместив вслед за письмом сатиру на петиметров «по причине той», что они «много касались» до ее «уборов» (л. 23).

В своих портретах петиметров Чулков явно ориентируется на переводы из Гольберга, появившиеся в «Трудолюбивой пчеле» и «Ежемесячных сочинениях»,¹⁵ оставаясь бесконечно далеким от социальных мотивов, которые позднее вводит в свою борьбу с галломанией Новиков.

После появления письма Чулкова Новиков стал рассматривать «И то и сьо» в качестве журнала екатерининского лагеря. Сначала «Трутень» косвенно задел «И то и сьо» в письме Чистосердова. Здесь описывается некий придворный господчик, который хвалит журналы, «обирающие около себя» и пишущие «сказочки».¹⁶ В тринадцатом листе «Трутня» (14 июля) Чулков уже фигурирует в одном ряду с В. Петровым, Ф. Козельским и «Всякой всячиной». Ему приписано желание монополизировать журналистику — «когда его и матери его журналы явились в свет, то другим оных издавать не надлежало» (СЖ, с. 91). Однако прямая и открытая полемика началась в связи с появлением в двадцать восьмой неделе «И то и сьо» письма Д. П. и стихов «Аз не без глаз», направленных главным образом против Эмина. Этот эпизод полемики осве-

¹⁴ Кулакова Л. И. Очерки истории... с. 106; ВВ, с. 141.

¹⁵ Ежемесячные сочинения, 1755, октябрь, с. 354; Трудолюбивая пчела, 1759, с. 748.

¹⁶ Сатирические журналы Новикова. М.—Л., 1951, с. 71. Далее при ссылках в тексте сокращенно — СЖ (с указанием страниц).

щался неоднократно и подробно.¹⁷ Нападки на Новикова в письме Д. П. делаются в исключительно резком тоне. «Сей человек, — говорится об издателе «Трутня», — объявил себя неприятелем всего рода человеческого. Тут кроме язвительных браней и ругательств не нашел я ничего доброго. Тут грубость и злонаравие в высочайшем блистали совершенстве; его ведомости соплетены были из ругательств и поношения ближним, и если бы ему верить, то бы надлежало возыметь совершенно от всех людей отращение». Оценка новиковской сатиры дается здесь в полном соответствии с ее оценкой на страницах «Всякой всячины».

Выступление Д. П. совпало с выходом первого номера «Адской почты». Не делая решительных заключений о «еще невразумительных намерениях нового журнала», автор замечает только, что его отпугнула форма «адской переписки». Такая же шутка («от страха многие не купят, боясь одного имени») насчет заглавия журнал Эмина встречается и во «Всякой всячине».

Стихи «Аз не без глаз» были напечатаны сразу вслед за письмом Д. П. Автором их является сам Чулков, что устанавливается по совпадению отдельных строк с поэмой «Плачевное падение стихотворцев». Они содержат насмешки над «Российской историей» Эмина, его романами, стремлением в «Российской истории» подражать Вольтеру, рисуют его всесветным зоилом и ругателем. Чулков явно восполняет письмо Д. П., не уделившего Эмину достаточного внимания.

Эмин в своем ответе Д. П., напечатанном в «Трутне», называет его письмо нападением «какой-то неизвестной партии». Новиков в свою очередь также отличает издателя «И то и сьо» от его поклонника и корреспондента Д. П. Что же касается стихов, то авторство Чулкова Эмину было хорошо известно, и свой ответ «Задачу», перифраз стихотворения «Аз не без глаз», он адресовал прямо ему.¹⁸ Далее, говоря об издателе «И то и сьо», Эмин сообщает любопытную подробность: кроме стихов «Аз не без глаз» Чулков прислал ему для напечатания в «Адской почте» (или в «Смеси») еще одно сочинение, которое являлось не более и не менее как «пасквилем» на самого Эмина. Однако ловкий ход был разгадан, «пасквиль» отослан назад сочинителю и носителем теперь по рукам. В нем содержалась критика какого-то серьезного сочинения Эмина, скорее всего «Российской истории». Возможно, Чулков попытался подsunуть Эмину для напечатания свой «Разговор в царстве мертвых», позднее помещенный в «И то и сьо».

Для характеристики Чулкова, литератора и полемиста, Эмин прибегает к злой литературной аллюзии, процитировав взятый из Рамсея отзыв о критиках Фенелона: «Ты новый Ерострат. Бесчестием своим быть хочешь всем известным». «Сочинителя Теле-

¹⁷ Ирои-комическая поэма. Л., 1933, с. 716—718; СЖ, с. 531—535.

¹⁸ «Задача» была напечатана в «Трутне», см.: СЖ, с. 99—100; здесь же приведены стихи Чулкова (с. 532—534).

мака, — комментирует Эмин, — критиковал Фаидит, который был у Собиса лакеем» (СЖ, с. 98). По-видимому, это не только намек на придворную службу Чулкова, но и на его зависимое литературное положение.

Кое-какой свет на эпизод с публикацией письма Д. П. могут пролить материалы дальнейшей полемики. Новиков в «Трутне» 1770 г., вспоминая о нападках Д. П., писал об этом хотя и зашифровано, но так, как если бы ему было известно имя автора: «... в „И то и сьо“, без рассуждения и без причины, прямо на мое лицо, что хотя и не походит на П..., но я...» (СЖ, с. 237). Наряду с этим в октябрьском номере «Адской почты» фигурирует некий Злоумов, который про некоторого известного человека рассказывает повсюду, что он глуп, никому не дает покоя, хвастает ученостью, пишет язвительные сатиры, а также клеветает на род этого человека, «называя его в Украине от подлых родителей рожденным... Видел ли он Украину от роду?».¹⁹ Это описание — довольно точный пересказ «разговора» о злоязычнике, в котором Чулков вывел Эмина. Далее Эмин дает объяснение поведению Злоумова. Он подчеркивает, что Злоумов-Чулков нападает на таких людей, «которые не только его не трогали, но и помыслить о таком человеке не имели времени... Сказывали, что некоторый здесь известный человек, нашего знакомца (т. е. Эмина, издателя переписки бесов, — В. С.) ненавидящий, побудил Злоумова к сей несправедливой брани... Сей Злоумов милостивец, человек доброго нрава... Злоумова заставила так ругаться некоторая женщина, мужа своего оставившая и теперь любовным промыслом промышленяющая, которая сего бедняка крепко держит в своем покровительстве... У такого и такую жизнь ведущего мещената, какой может быть писец? Такие люди за 20 копеек весь свет выругать готовы» (АП, с. 235). Определить по столь общим характеристикам действующих лиц этой закулисной истории не просто. Укажем, однако, что издания Чулкова 1760—1770-х годов посвящены таким петербургским вельможам, как директор придворного театра В. И. Бибииков, гофмаршал двора граф К. Е. Сиверс, Е. П. Трубецкая, с июля 1769 г. жена графа А. С. Строганова, настаивавшего в 1762 г. на увольнении Эмина из Коллегии иностранных дел.²⁰ Из них Строганов был участником «Всякой всячины», а Сиверс, по предположению П. Н. Беркова, был осмеян в «Адской почте».

Другим документом полемики конца года является письмо Правдолюбова, полученное одновременно «Трутнем» и «Адской почтой». Новиков отказался его печатать, объяснив это тем, что оно задевает «Всякую всячину» и содержит рассуждение о всех

¹⁹ Адская почта, 1769, октябрь, с. 234. Далее при ссылках сокращенно — АП (с указанием страниц).

²⁰ Арзуманова М. А. Новое об Ф. Эмине. — Русская литература, 1961, № 1, с. 183—184.

еженедельных сочинениях минувшего года (СЖ, с. 204). Эмин опубликовал это письмо, но лишь частично, отбросив конец, потому что «оный зацепил почти все журналы, которые, может статься, почли бы это за обиду» (АП, с. 324). Ответ на это письмо появился лишь в номере за декабрь, вышедшем через четыре месяца после смерти Эмина; возможно, он готовился людьми, близкими покойному писателю. Большой хронологический разрыв между получением письма и ответом (с января по август) пришел к тому, что в ответе не сохранилась точная временная приуроченность и в него попали факты более позднего времени. Так, автору ответа уже известно предисловие В. Петрова к первой песне «Энея».²¹ Значительная часть ответной статьи посвящена защите принципов сатиры «на лицо». Что касается личности Правдолюбова, то выясняется, что автору он известен и является лицом достаточно влиятельным.

«Мне сказывали, что вы давно уже тем тщеславитесь, что письмо ваше Адскую почту устрашило, когда она вдруг после оного пресекалась. Думайте, что хотите; уверьте себя, что важность вашей особы произвела во мне робость. Я вам говорю, что в одном и в другом ошибиться можно, и я вам в последний раз так смело скажу, что робости во всем моем сложении нет, ласкательствовать не умею и на следующую вашу речь негде сказанную — таких дерзких писцов надобно выгнать из города — отвечаю, что для меня лучше за городом, хотя и в бедности, ходить, нежели в городе ползать, а часто и у таких ног, которые по свету ходить недостойны» (АП, с. 343). Вопреки мнению П. Н. Беркова, отсюда еще не следует, что сам Правдолюбов — это «ласкатель» в больших чинах;²² скорее у Правдолюбова есть «ласкатели», примеру которых автор следовать не намерен. Это уточнение, однако, не лишает силы утверждение П. Н. Беркова, что псевдоним «Правдолюбов» в конце года был использован каким-то сотрудником «Всякой всячины», чтобы спровоцировать Эмина и Новикова на резкую полемику. Каким-нибудь из неосторожных выступлений затем можно было воспользоваться для обоснованного запрещения оппозиционных журналов. Резкий тон письма Д. П. вполне мог инспирировать полемику более широкую, чем ответ Эмина. П. Н. Берков допускал, что Д. П. могло означать — «Другой Правдолюбов», отличный от Правдолюбова из «Трутня».²³ Возможно, действительно существует связь между Д. П., начавшим литературную войну, приведшую к цензурным строгостям («Трутень», например, не выходил весь ноябрь), и Правдолюбо-

²¹ См.: Семенников В. П. Русские сатирические журналы 1769—1774 годов. СПб., 1914, с. 32—34. В примечании на с. 333 «Адской почты» Эмин замечает, что один из стихотворцев, браня его, назвал «янычаром». Это прямое указание на предисловие В. Петрова к изданию 1770 г.

²² Берков В. История журналистики, с. 263—265.

²³ Там же, с. 232.

вым, вызывавшим издателей журналов на критику «Всякой всячины» за то, «что от критики свободно».

В связи с полемикой вокруг письма Д. П. важно отметить, что в ней совсем не касались собственно программных заявлений Чулкова о сатире и об отношении ко «Всякой всячине». Напротив, упоминаются случайные мотивы — торговая конкуренция журналов, ненависть к более удачливым издателям, угодливость к значительным лицам. Эмин и Новиков намекают, что «И то и сьо» нравится «придворным господчикам», что издатель желает угодить своим покровителям. Чулкова ругают, но не принимают всерьез как силу в идейной борьбе. Между тем отсутствие принципиальной позиции и резкие нападки на лучших журналистов оказались для Чулкова источником многих неприятностей. По свидетельству Новикова, уже в середине года журнал стал терять подписчиков.²⁴

Из интереснейшей по содержанию сорок восьмой недели, которая обычно цитируется, чтобы проиллюстрировать тяжелое положение писателя-разночинца, пытавшегося жить литературными заработками, можно извлечь сведения о причинах неуспеха журнала. Помимо жалоб на бедность и новых повторений своего кредо мирного писателя, Чулков останавливается на взаимоотношениях сочинителя с обществом: «Изрядный сочинитель! Лестное и ушам приятное название. Общество бывает к нам благосклонно, но если сочинитель, хотя неведением, погрешит к несчастью своему против желания и охоты читателей, тогда малое сие облако похвалы превратится в огромную тучу хулы, поношения и презрения к сочинителю... Не увидит он ниоткуда помощи, следовательно из бедного сделается еще беднее». Еще раньше Чулков сообщил, что еженедельник не будет продолжен в 1770 г.; за этим следовала сентенция явно биографического характера: «Если небо на кого свой гнев попустит, то тот не токмо человеку, но и скоту игрушкою бывает» (л. 46).

Судя по этой исповеди, падение своей авторской репутации Чулков ставил в зависимость от неудачных выступлений в литературной полемике. Объективно же оно было следствием поражения журнала с общественно нейтральной программой. Журнал, отказавшийся от постановки злободневных и тем самым спорных проблем, неизбежно должен был проиграть соревнование с «Трутнем». Полноценным сотрудником «Всякой всячины» Чулков также не мог сделаться. Установка на развлекательность, балагурный стиль компрометировали вполне серьезную программу Екатерины. «Всякая всячина», несмотря на все лойяльные заявления Чулкова, не захотела причесть его в свою родню. На ее страницах за вторую половину года не удастся обнаружить каких-либо упоми-

²⁴ Письмо за подписью N.N. в 12 листе «Трутня»: «Наши журналы сделали то, что его листочков почти никто не покупает» (СЖ, с. 90).

ний об «И то и сь», и это молчание свидетельствует по крайней мере о ее незаинтересованности в союзе с Чулковым.

Высказывалось мнение о том, что к концу издания «И то и сь» журнал стал более радикальным (хотя очевидно, что на тематике его это никак не отразилось). Оно подкреплялось иногда указанием на будто бы цензурный выпуск в последнем листе. Оставшееся пустым место, как полагал А. В. Западов, должен был занимать перечень тем, которых Чулков не смог коснуться в своем журнале.²⁵ От внимания исследователя ускользнуло, что изъятый текст должен был находиться в той части обращенного к читателям авторского монолога, где перечисляются достоинства журнала и которая заключается фразой: «Что до меня не принадлежит, до того коснуться не намерен». Это не более как развитие многократно повторяющихся у Чулкова рассуждений о нежелании касаться высоких материй. Как уже указывалось, этот принцип был сформулирован еще в третьей неделе «И то и сь». Кроме того, у нас нет никаких данных, чтобы делать вывод о повышенном интересе цензуры к журналу Чулкова. Очевидно, он цензуровался наравне с журналами Новикова и Эмина. «Адская почта», например, печаталась в одной типографии с журналом Чулкова. Тем не менее автор ее сумел сказать значительно больше и смелее, чем Чулков.

На основе заключительного листа «И то и сь», аллегорически толкуя опубликованные здесь анекдоты, А. В. Западов высказал предположение, что к концу года Чулков выступил, хотя и запоздало, инициатором объединения журналов для борьбы со «Всякой всячиной». «Мысль о возникновении такого союза, — писал он, — очень любопытна и показывает попытку составить некий альянс журналов, направленный против правительственного органа». Однако этому остроумно обоснованному тезису противоречит направление следующего издания Чулкова, ежемесячника «Парнасский щепетильник», где не только излагаются те же умеренные взгляды на сатиру, но и продолжается полемика с Новиковым.

Первый номер «Парнасского щепетильника» помечен маем месяцем и вышел 15 мая.²⁶ По традиции Чулков открыл его обращением к читателям. Эта программная по заданию статья вновь содержит выпады против только что сошедшего с издательской арены Новикова.

Еще в «И то и сь» Чулков называл себя с псевдосмирением «авторской тенью» (л. 48). Теперь, делаясь издателем вторично, он подчеркнул свою скромность с иными намерениями. «Многие люди, — пишет он, — дают мне имя автора, не осведомясь о том,

²⁵ Западов А. В. Журнал Чулкова «И то и сь» и его литературное окружение. — В кн.: XVIII век, сб. 2. М.—Л., 1940, с. 141.

²⁶ Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII в., т. IV, М., 1966, с. 161, № 200.

желаю ли я сим названием величаться <...> Отрекаюсь от сего почтенного наименования, уступаю место тем высокоименитым людям, которые вдруг берутся за все и по великости знания своего никакого дела к концу не приводят».²⁷

Издание «Трутня», как известно, было рассчитано на весь 1770 г. Но в конце апреля Новиков объявил о прекращении издания и возвратил подписчикам деньги за невышедшие номера, а статья «Расставание или последнее прощание с читателями» недвусмысленно объясняла, что причиной ликвидации журнала является как охлаждение интереса читателей, так и «обстоятельства». Чулков делает вид, что смысл новиковского прощания с читателями ему непонятен. Бросая Новикову упрек, что обещанный журнал не доведен до конца, он косвенно обвинял его в небрежении интересами читателя, подчеркивая одновременно собственную коммерческую честность. Этому противопоставлению он пытается придать и более широкое значение, не брезгуя личными намеками. «Некоторым сочинителям, — продолжает он, — не знание и не науки (что Новиков не кончил гимназии Московского университета, было известно современникам, — В. С.), но одно только слепое счастье доставило титул людей разумных и ученых... Всякое их сочинение и выдумка похваляемы бывали всем городом публично; а мы, убогая братия, со страхом и трепетом взирали на дела сих преузорочных и высокосмысленных особ и не осмеливались находить в них погрешности и наедине иметь о них столь злое помышление». Чтобы еще точнее указать адресата и не дать повода заподозрить, что предисловие задевает также недавно прекратившуюся «Всякую всячину», в подстрочном примечании Чулков указал на характерную черту тематики «Трутня»: «Речь моя касается прямо весьма малоученым стихомазам. Я не берусь выхвалять больше г-на Сумарокова, нежели покойного Ломоносова, зная, что они великой похвалы достойны оба» (ПЩ, с. 5). Новиков действительно был активным защитником сумароковской сатиры. Борьба с неприятелями поэта в 1769 г. велась в основном на страницах «Трутня».

Таким образом, Чулков как бы делил всю сатирическую журналистику на три не равные по значению части — «Всякую всячину»; Новикова, Эмина и «Смесь», связанных взаимной солидарностью, и, отдельно, — издания мелкотравчатых сочинителей, «убогой братии». Новикова и Эмина Чулков не считает авторитетными писателями. Он измеряет достоинство издания не серьезностью программы или общественным признанием. Здесь действуют другие категории, и не случайно «Парнасский щепетильник» продолжает начатый «Всякой всячиной» разговор о самолюбии стихотворцев. Мишенью и в том и в другом случае был Новиков, продолживший в «Пустомеле» борьбу за общественную

²⁷ Парнасский щепетильник, 1770, с. 3. Далее при ссылках сокращенно — ПЩ (с указанием страниц).

сатиру и выступивший против того типа журналиста, развлекающего публику, который олицетворял Чулков. Весь начальный пассаж предисловия к «Пустомеле» имеет в виду прежде всего Чулкова. «Мне <...> несносны те авторы, которые сочинения свои начинают вздором, вздором наполняют и оканчивают вздором. Пишут все, что ни попадет; спорят, критикуют, решат и, запустившись в мыслях, изъясняются весьма неясно: тут следуют у них сухие шутки, будто оставлены темные места на догадку читателя; но если сочинитель по чистой совести захочет признаться, то скажет, что и сам он того не понимает; итак останется истинная причина, что яснее не мог того написать. Многие ныне принимаются писать, думая, что хорошо сочинять так же легко, как продавать <...> мелочные товары, коими щепетильники торгуют в деревнях <...> Но чтобы уметь хорошо сочинять, то потребно учение, острый разум, здравое рассуждение, хороший вкус, знание свойств русского языка и правил грамматических и, наконец, истинное о вещах понятие; все сие вместе есть искусство хорошо писать и в одном человеке случается весьма редко <...> Кто пишет, не имевши дарований и способностей, составляющих хорошего писателя, тот не писатель, а бумагомаратель» (СЖ, с. 252).

Упоминание о «щепетильнике» прямо указывало на «Парнасский щепетильник» Чулкова. Остальные замечания продолжали насмешки над мелкотемьем «И то и сьо» в «Трутне», где Чулков характеризовался как писатель, забавляющий малосмысленных людей рассказыванием сказок. Его балагурный стиль, заявления о себе самом, что хотя он «разумен и политичен», но это не правда, «а походит на очевидную ложь», «прилежит к словесным наукам, но только к тем, которых не понимает», иносказания и прямые загадки, ходячие анекдоты, оформленные как повестушки, перебранка с современниками — все это вместе взятое и определяющее внешнее лицо журнала давало основание для определения Новикова. «И то и сьо» ввиду установки на развлекательность было в большей степени собранием «всякой всячины», чем одноименный журнал. В качестве примера нарочито темных мест можно привести «Выдумку» (л. 2), смутное иносказание о том, «что бы ни я, ни читатель понять не могли», или заключительный анекдот журнала о «переводчике» слепых (л. 51—52).

Собственно, сатирическое описание «перестроенного» Парнаса в «Пустомеле» является пародийным переосмыслением объявленной в «Щепетильнике» торговли стихотворцами. В соответствии с тем, как у Чулкова Аполлон определяет стихотворцев дьячками, старостами и выборными, «автор» Новикова называет бога поэзии «парнасским комиссаром у приему всех сочинений новых стихотворцев», говорит о назначении Пегаса «щепетильником», которому поручает продавать по деревням «билетцы, эпиграммы, загадки, песенки, эпитафии и прочие мелочные стихотвореньица» (СЖ, с. 254—256). Кстати, в «Стихах на семик» Чулков от собственного лица писал о такой же мелочной распродаже:

Известие сие во-первых я даю,
Что авторство мое за деньги продаю:
Копейка мадригал, с полушкой эпиграмма,
Три денежки рондо, а пять копеек драма,
Елегия алтын, пять денежек сонет.
Идиллия хоть грош, полушка за билет.

(л 22)

Выступление Новикова не осталось не замеченным Чулковым. Ответом явилось письмо корреспондента «Парнасского щепетильника», некоего И. Л. Этот автор, поклонник и подписчик чулковских изданий, живущий на берегах Днепра, неожиданно проявил хорошее знакомство с сатирической журналистикой и литературными распрями. Письмо наполнено похвалами как в адрес «И то и сьо», так и «Щепетильника», где «все исполнено хорошим, разумным, полезным и замысловатым». И. Л. уверен в действенной силе сатирических нападков Чулкова на дурных стихотворцев, уверен, что они «пообсекут крылья» стихосбордам, которые «не смысла ни уха, ни рыла и намаравши несколько, хуже еще сочиненных королем Нумою и певаемых салических жрецами стихов, стремясь вскарабкаться на Парнас и самовластно обладать оным, называя все правила совершенного стихотворения ученым вздором, пустотою и враками, причиняющими излишнее лишь и совсем не надобное затруднение» (ПЩ, с. 275).

Сообщив об успехе журнала в провинции, автор письма советует Чулкову не обращать внимания на «зоилов»: «Что же принадлежит до глухих ругателей, то советую вам больше презирать их, нежели не шадя мстить, как таких тварей, которых ученый в Европе муж называет челядью, роющей в ученом обществе навоз» (ПЩ, с. 277). Далее, касаясь своих песен, которые он пересылает для помещения в чулковском песеннике, И.Л. просит поправить их «где надобно», так как не претендует на совершенство своих сочинений: «Не шутка быть совершенным писателем; к тому, как сказывают, потребно довольное учение, острый разум, обильное воображение, здравое рассуждение, хороший вкус, прямое о вещах понятие, а при том и совершенное знание природного языка с нужными правилами грамматики». Подразумевая за Чулковым подобные достоинства и поручая ему редакционную правку, автор добавляет: «Я уже вас обнадеживаю, что не взбешусь» (ПЩ, с. 278).

Чулков вежливо отклонил преувеличенные, почти одические похвалы. Однако за этим обменом любезностями скрывались хорошо понятные современникам злободневные темы.

Перечень качеств, потребных сочинителю, является текстуальным заимствованием соответствующего места из «Пустомели», направленного против сочинителей типа Чулкова. Упомянутый «ученый муж» — это не кто иной, как Вольтер, а афоризм, ему приписанный, был в самом начале 1770 г. процитирован в предисловии к «Энею» В. Петрова. Обрушиваясь здесь на «напосп-

ные ядом лоскутки бумаги», которые рассеиваются по свету во вред ближнему, на «нескромных сатириков», которые употребляют на зло свои таланты и драгоценную вольность, «дарованную умом от Екатерины Премудрой», В. Петров имел в виду прежде всего сатиру «Трутня», «Адской почты» и «Смеси», то есть Новикова и Эмина. К Эмину, называя его Алжирцем и Янычаром, он и применил фразу из Вольтера: «Вольтер малой руки критиков, которые цепляются за слова, называет челядинцами, кои в ученом обществе навоз роют».²⁸

Особенно информированным оказывается И. Л. по части «слухов». Он «слышал», что Чулков занимается изданием песенника и будто бы уже появилась первая часть. Действительно, объявление о продаже «Собрания разных песен» появилось в «Трутне» от 2 марта. Вторая часть, как следует из ответа Чулкова своему украинскому доброжелателю, в ноябре либо еще печаталась, либо только что появилась. В данном случае интерес представляет именно первая часть, так как она послужила поводом для литературного скандала. Как известно, здесь с незначительной правкой были перепечатаны песни Сумарокова. Эта вторая (после сборника Г. Н. Теплова) контрафакция вызвала сильное раздражение автора. Печатно Сумароков высказался против самоуправства «придворного лакея» в предисловии к «Дмитрию Самозванцу», начатому печатанием не ранее февраля 1771 г.²⁹ Следовательно, о «бешенстве» патриарха русских писателей И. Л. мог узнать лишь из устных источников и отнесся к нему явно насмешливо. По-видимому, этот не природный украинец, а «частный только пришлец земли чужой» (ПЩ, с. 276), не более как литературная мистификация.³⁰ Однако независимо от того, кто был действительным автором письма, публикация его Чулковым свидетельствует об общности позиции корреспондента и издателя, одинаково противостоящих независимо настроенным группировкам дворянских писателей.

²⁸ «Еней», героическая поэма Публия Виргилия Марона. СПб., 1770, предисловие, с. 15 (ненум.). Невозможно определенно сказать, имело ли совпадение взглядов, отразившихся на страницах журнала Чулкова, и высказываний В. Петрова о сатирической журналистике какую-либо основу в виде личных отношений писателей. П. Н. Сакулин ссылается на известие, что Чулков, Петров и некоторые другие составили литературный кружок, но не указывает источник (Сакулин П. Н. Русская литература, т. 2. М., 1929, с. 133).

²⁹ Семенников В. П. Материалы... , с. 101.

³⁰ Вместе с тем на основании содержания статьи нельзя с уверенностью утверждать, что автором ее был сам Чулков. Подпись И. Л. встречается также в «Вечерах» (1772) под письмом из города К*, очевидно Киева. Оно, подобно письму в «Парнасском щепетильнике», касается каких-то литературных отношений и ссоры, вызванной «посредством кривотолкая некоторой епистолы» (Вечера, 1772, ч. II, вечер 4, с. 25—26). Из украинских литераторов инициалы И. Л. могли бы соответствовать Иоанну Левадце. Но Новиков в «Словаре» не упоминает, что он участвовал в изданиях 1769 г.

В связи с полемическим подтекстом письма И. Л. нужно отметить, что это не единственный резкий отзыв о сатириках в «Парнасском щепетильнике», этом по замыслу литературно-сатирическом журнале. Помимо персональной полемики с Новиковым, здесь содержатся общие замечания о сатире, позволяющие судить, насколько менее чем за год поправел Чулков. Совпадения в принятом Чулковым к печати письме И. Л. и филиппиках В. Петрова являются лишь конечным результатом этой эволюции.

С самого начала Чулков-журналист ограничивал свою деятельность скорее юмористикой, намереваясь поучиться «смешить людей благоразумных» (л. 1). Для оценки направления «И то и сьо» характерны опубликованные здесь письма к издателю. Елисей Прямыков находит журнал «полезным и увеселительным» (л. 8); Незнаев хвалит его за те же качества (л. 11); Д. П. называет «самым невинным упражнением, приносящим иногда пользу, иногда увеселение», лишенным грубости, невежества и язвительной критики (л. 28). Впрочем, первоначально Чулков допускал какой-то элемент сатиры, собираясь «расчесывать волосы целому городу» (л. 4). Правда, при этом он уточнял, что будет писать, о чем ему «возможно» и о чем он имеет «действительное понятие» (л. 3). Сюжеты свои весьма туманно подразделял на «хорошие», «посредственные» и «худые». Можно лишь догадываться, что это деление произведено по степени «высокости» темы с точки зрения автора, так как под именем «худа» он разумел «малые вещи». Введение низкой тематики потребовало оправдания — «и из худа иногда выходит изрядное дело» (л. 3). Эта программа первоначально и осуществлялась Чулковым в «И то и сьо». Чулков упоминает в качестве образцовых журналов «Трудолюбивую пчелу» и «Ежемесячные сочинения». Если обратиться к статьям о сатире в «Ежемесячных сочинениях», то видно, что здесь на основе теории сатиры Гольберга были сформулированы основные аргументы в защиту сатиры «на порок» и против сатиры с конкретным адресатом. Такое же изложение «правильной» сатиры дал Чулков в «разговоре» «Меркурий, Харон и Злоязычник».

«В сатире описываются такие пороки, которые сродни по большей части многим людям. Надобно весьма остерегаться, чтобы, делая тому примеры, не указать на того человека, которого вознамерился описать пороки. Слог ее должен быть прост, краток, волен и язвителен, и больше всего сочинитель оной должен показать в ней свою кротость, иметь совершенное познание человеческих свойств, играть приятно словами, исправлять человеческие нравы и научать доброду в шутках» (л. 36).

Почучение, преподанное Злоязычнику Эмину, одновременно совпадает с позитивной программой «Всякой всячины». По мере развития полемики на протяжении 1769 г. Чулков постепенно смыкался с самыми резкими из статей, помещенных на ее страницах.

Следует отметить, что при всей резкости полемики 1769 г. только во «Всякой всячине» были произнесены слова о наказании за сатиру. В этом отношении наиболее ярким и известным примером является статья «противу лжи и лгунов», где вспоминалось о законе, по которому в древности лжецам прокалывали язык каленым железом (ВВ, с. 180—181). Аналогичное рассуждение о необходимости наказывать дерзких сатириков встречается позднее в «Парнасском щепетильнике». Оно включено в комический рассказ о порке, которой был подвергнут один из «лирических стихотворцев», написавший «ювеналову сатиру» на неверную возлюбленную. Однако звучит эта рекомендация вполне серьезно: «Желательно было бы для общей тишины и спокойствия, чтоб все сатирические писатели, те, которых единственное упражнение состоит в том, чтобы честных граждан и полезных обществу людей затмевать славу, чтоб такие то все попадались в руки новейшей Кандии (мнимой волшебницы, — В. С.); по правам некоторых государств ссылали их и на галерную работу» (ПЩ, с. 118).

Ссылка на «некоторые государства» не маскирует личного отношения Чулкова. В другом месте он еще откровеннее заявляет о своем желании напустить на «распустных (sic!) людей, которые всякий день ушиваются дурацкою досадою, то есть некоторых господ стихотворцев, пагубных роду человеческому» (ПЩ, с. 99). Во «Всякой всячине» такие люди получили прозвище «меланхоликов». Чулков добавляет: «Их должно истреблять так, как человекоубийц, а особливо сатириков неискusstных (т. е. не знающих правил истинной сатиры, — В. С.) по причине, что они целое общество заразить в состоянии». Ситуация изменилась, и Чулков полностью примкнул к победившей стороне. «И на „Всякую всячину“ сыскиваются критики, и ничего без похуления не оставляют», — заявлял он теперь (ПЩ, с. 99).

Чулков не отрицает сатиру вообще. Его нападки, например, не распространяются на литературную сатиру. Он полемизирует сам и не отнимает этой возможности у других, сохраняя за собой право «отшучиваться». Что касается сатиры общественной, сатиры нравов, то в его изданиях постоянно аргументируются преимущества «высокой» сатиры «на порок» перед «низким» памфлетом. С художественной точки зрения памфлетность была самым уязвимым местом сатиры «на лицо». Поэтому, например, Новиков счел нужным специально доказывать, что памфлетность не противоречит типологии характеров. Однако его тезис: «Всякая критика, писанная на лицо, по простетвию многих лет обращается в критику на общий порок» (СЖ, с. 138) — прозвучал не вполне убедительно. Позднее в «Живописце» Новиков от сатиры «на лицо» перешел к иным, более емким и художественным литературным формам. В предпочтении, которое Чулков отдает характерологической сатире, отражались, по-видимому, те же сомнения.

«Щепетильник», кажется, не испытывал цензурных затруднений, но и успеха не имел. Такой вывод можно сделать из предисловия Рубана к «Трудолюбивому муравью» (1771), где речь идет об общем упадке сатирической журналистики. «Один только Щепетильник, — пишет Рубан, — начавшись с мая совершил свое течение постоянно до окончания года, не выдерживая карантина в типографии, но, будучи одержим подагрой, не много расхаживал по свету и теперь еще отдыхает на одре у книгопродавцев». Сам Чулков тоже отмечал падение читательского интереса к журналу (ПЩ, с. 264). Это заставило его завершить издание «с великим убытком». Тем не менее, заключая декабрьский номер, заполненный историческими публикациями, он с особой гордостью подчеркнул, что выполнил свои издательские обязательства, не «солгал» перед публикою: «Не хотел я последовать тем премудрым авторам, кои напечатав первый лист роздали билет и обобрали с желающих деньги; на втором листе прервали свое сочинение, прервали охоту читателей, пропали билеты, погибли деньги, а те издатели остались в той надежде, что все оное со временем предастся забвению» (ПЩ, с. 325).

Это было последнее обвинение, брошенное Новикову, «Пустомеля» которого неожиданно и без объяснений прекратился на втором номере. Чулкову нечего было противопоставить своему старому противнику, кроме намека на коммерческую несостоятельность издателя. Деятельность Чулкова-журналиста завершалась «Парнасским щепетильником». Новиков же через год приступил к изданию «Живописца», журнала более совершенного типа и пользовавшегося еще большим успехом, чем «Трутень». Читателю XVIII в., как и в любое другое время, не столь важно было постоянное «течение» журнала, как его проблематика.

В «Живописце» в предисловии «Автор к самому себе» Новиков оценил результаты журнальной борьбы 1769—1770 гг. и суммировал свои мнения о сложившихся в это время направлениях и точках зрения. В одном из типов писателей, деятельность которых никак не была приемлема для Новикова, узнается Чулков. Это автор, старающийся забавлять разум своими сочинениями и производить смех в разумных читателях». Но «бедный автор! — восклицает Новиков. — Он больше досаждаёт и производит скуку, а смеется только сам» (СЖ, с. 285). К 1772 г. Чулков уже перестал быть деятельной литературной фигурой, и Новиков мог уверенно произнести окончательный приговор журналисту подобного типа с точки зрения стоявших перед публицистикой новых задач.

Все же по окончании журнальных битв 1769—1770 гг. между Чулковым и Новиковым не установилось резко враждебных личных отношений. Об этом свидетельствует эпизод с изданием альманаха «Российский Парнас», который был отпечатан в 1771 г. по заказу Чулкова в типографии Морского шляхетского корпуса. С новым титульным листом и допечаткой десяти страниц текста издание вновь поступило в продажу в 1773 г.

«Некоторое собрание, — говорилось в предисловии, — имея в своем хранении разные стихотворные и прозаические сочинения, вознамерилось издавать оные в свет... Для первого опыта выдаются здесь два сочинения, подраженные французским».³¹

Автором поэмы «Селим и Селима», так же как и других стихотворений, напечатанных в сборнике, был М. М. Херасков.³² Приехавший из Москвы Херасков стоял во главе литературного кружка, участниками которого являлись, в частности, В. И. Майков и И. Ф. Богданович; к салону Херасковых был близок и Новиков. Д. И. Хвостов, например, в рукописной заметке к биографии Ф. Г. Карина сообщает, что «редактором» (т. е. издателем) журнала «Вечера», органа херасковского кружка, в 1772 г. был именно Новиков.³³ Напомним также, что «Собрание разных песен» (1770—1774) Чулков посвятил Е. П. Строгановой (Трубецкой), дочери князя П. Н. Трубецкого, сводного брата Хераскова, а в 1775 г. И. Ф. Богданович с похвалой отозвался о вышедших отдельным изданием бурлескных стихотворениях Чулкова.³⁴ Возможно, связи Чулкова с кружком Хераскова послужили причиной того, что и он, и Новиков подверглись одновременному нападению со стороны В. П. Петрова.

Хотя в полемике о сатире и совпали мнения «Всякой всячины», В. Петрова и Чулкова, идейному единомыслию Петров, как и издатели «Всякой всячины», не придавал существенного значения. Спустя несколько лет он объединял Чулкова со всеми прочими писателями сумароковской партии, которых считал своими врагами. «Послание к Екатерине II», которое мы имеем в виду, было написано не ранее 1772 г., так как в нем упоминается «Опыт словаря» Новикова.³⁵ Следовательно, сочиняя свою сатиру, Петров знал ту краткую, сухую заметку о Чулкове, которая была здесь помещена и в которой сообщалось, что Чулков был издателем «И то и сьо», автором «Плачевного падения стихотворцев». Петров должен был заметить, что Чулков не попал в число писа-

³¹ Сводный каталог..., т. III, № 6072; Смирнов-Сокольский Н. Русские литературные сборники и альманахи XVIII—XIX вв. М., 1965, с. 35—36.

³² Указание на французский источник поэмы «Селим и Селима» — ошибка не только издателей, но и самого Хераскова. На самом деле она является подражанием Виланду. Херасков, видимо, пользовался французским переводом. См.: Данилевский Р. Ю. Виланд в русской литературе. — В кн.: От классицизма к романтизму. Л., 1970, с. 303.

³³ ИРЛИ, ф. 322, № 75, л. 66. О связях Хераскова с Новиковым см. также в статье Л. И. Кулаковой в настоящем сборнике.

³⁴ Серман И. З. И. Ф. Богданович — журналист и критик. — В кн.: XVIII век, сб. 4. М.—Л., 1959, с. 101.

³⁵ Опубликовано с рукописи (не всегда исправной) в «Сочинениях» В. Петрова (ч. III, СПб., 1811). Далее ссылки на это издание в тексте (с указанием страниц). «Опыт словаря» вышел в свет не ранее апреля 1772 г. (Семенников В. П. Материалы..., с. 75). С полемикой вокруг «Словаря» связана также другая сатира Петрова — послание «К... из Лондона» (1772—1774 гг.).

телей, расхваленных Новиковым. Тем не менее, обрушившись на «героев словаря», он включил сюда и Чулкова. Чулков и Майков объединены в послании под одной маской бездарного поэта, во что бы то ни стало снискивающего себе популярность. На Чулкова Петров обрушивается в связи со стихами «На семик» и «На качели». Они не содержали прямых намеков на Петрова, но, вполне возможно, он принял на свой счет общие замечания о высоком одическом стиле. Во всяком случае, строка «Притом из ничего он делал сіо и то» указывает, что сотня стихов длиннейшей сатиры (всего около 850 стихов) посвящена именно Чулкову, так как считать Майкова причастным к изданию журнала «И то и сьо» у Петрова не было никаких оснований.

Общий замысел «Послания к Екатерине» состоял в том, чтобы показать неприглядную картину литературной грызни и соперничества среди сумароковцев, которые при всем том вкупе дрожат под ферулой учителя.

Поскольку речь шла о дискредитации противников, об истолковании их сочинений как вещей бессмыслицы, то именно Чулков давал для этого большие возможности: стоило только сместить акценты и рассказать его поэмы как вполне серьезные произведения, не считаясь с их действительным замыслом, пренебрегая юмористическим и сатирическим тоном.

Как и другие участники литературных стычек, Петров не считает Чулкова серьезным литературным противником, с которым нужно спорить по существу. Он неопределенно упоминает о каких-то былых нападках критики на Чулкова. Что бы ни имелось в виду, важно, что, как и в полемике 1769 г., в сатире Петрова подчеркнута беспочвенность притязаний Чулкова на место в литературе, а его попытки утвердиться в ней рассматриваются как необоснованная наглость:

Коль нет стекла, окно бумагой залепляют;
Притом из ничего он делал сіо и то,
Так здесь уж (в поэмах, — В. С.) вопреки из многого ничто.
Ан все-таки видна в нем творческая сила,
Чтоб критика на то проклята ни гласила!
Сей Рифмоборнице вмиг можно рот зажать.
Как! Вдохновенника, Пророка обижать,
Что от Кастальских вод пьян ходит без просыпу,
Юродствует, блажит и мелет без посыпу.

(с. 139)

Последние стихи являются откровенной перефразировкой обращения к Музе в «Плачевном падении стихотворцев».

К этому времени Чулков практически уже ушел из литературы, полностью отдавшись служебным делам (в 1770 г. он поступил на службу в Сенат) и работе над «Историей российской коммерции».

В связи с «Историей коммерции» находится рассказ А. М. Тургенева о придворных отношениях Чулкова в 1780-е годы. Исто-

рия издания этой книги, по утверждению автора «Записок», послужила истинной причиной гонения на мартинистов. Вкратце она сводится к следующему.

Дашкова, директор Академии наук, долго убеждала Чулкова уступить ей сочиненный им «Географический словарь государства российского о внутренней торговле», чтобы от своего имени (т. е. как труд Академии наук) посвятить его государыне. Чулков отверг все предложения и поднес рукопись самостоятельно. Раздраженная Дашкова, которой было поручено поскорее отпечатать этот труд, принялась чинить препятствия и в течение трех лет задерживала его в типографии. Чулков обратился к Новикову: книга была готова в шесть недель и представлена Екатерине. Наградой Чулкову была брильянтовая табакерка с червонцами, а Дашкова как бы в укор за нерасторопность получила от Екатерины в подарок экземпляр московского издания «Словаря». Чтобы отомстить Новикову (именно Новикову, а не Чулкову), поставившему ее в глупое положение, Дашкова будто бы подговорила Прозоровского возвести на него обвинение в связях с якобинцами, замышлявшими на жизнь государыни.

Чтобы понять, как прихотливо переплетаются здесь правда и вымысел, следует немного остановиться на истории текста воспоминаний Тургенева.

«Записки» Тургенева — не мемуары в точном смысле этого слова. Это блестящий памятник публицистики, в высокой степени подвергшийся литературной обработке. Ради того чтобы передать дух эпохи, как он ее понимал, мемуарист пренебрегал фактической точностью и не стеснялся противоречивости своего повествования. Достаточно сравнить краткое замечание о том, как Дашкова ввела Новикова в дело француза-кондитера, «подкушленного революционной партией в Париже», и сцену допроса этого самого «m-r de Vergenne, chef de cuisine du ministre disgracié» его русским нанимателем графом Брюсом и петербургским обер-полицмейстером Рылеевым, чтобы увидеть, как много значил для Тургенева анекдот в сравнении с фактом.³⁶

«Записки» создавались в 1827—1834 гг. По крайней мере так они датированы издателями «Русской старины».³⁷ История о Чулкове и Дашковой сохранилась и в более раннем варианте. Тургенев включил ее (под датой 28 июля) в «Ермолафию» о встречах с В. А. Жуковским в Москве во время пребывания там наслед-

³⁶ Русская старина, 1887, № 1, с. 84—92, 104; Былое, 1918, № 13, с. 153; 1919, № 14, с. 65—68.

³⁷ Русская старина, 1885—1887, 1895, 1897. В журнале была напечатана поздняя редакция 1840-х годов с большими цензурными купюрами, которые, впрочем, не коснулись интересующего нас отрывка. Полностью — по другой рукописи — «Записки» перепечатаны Я. Барсковым в «Былом» (1918, № 13, с. 148—177; 1919, № 14, с. 58—88); здесь же помещены краткие сведения о рукописях «Записок».

ника престола. Этот род дневника относится к 1837 г. Он написан для Жуковского и был ему впоследствии подарен.³⁸

«Кому не известны гонения на Н. И. Новикова. Князь Прозоровский угрожал Катерине Романовне Дашковой, злобствовавшей на Новикова за то, что он в типографии своей напечатал в 6 недель словарь Чулкова о внутренней в России торговле, где, чем и в которое время существуют ярмарки, бывают съезжие торги, дневные, недельные и т. д. (книга и поныне еще полезная, а тогда единственная), которую Чулков поднес императрице. Государыня милостиво удостоила принять посвящение ей книги, тотчас наградила сочинителя собственною из своих рук золотою большою табакеркою, наполненною червонцами, и повелела президенту Российской Академии наук немедленно напечатать книгу за счет казны в пользу сочинителя. Чулков был в это время придворным актером. За что княгиня К. Р. Дашкова не благоволила к Чулкову, мне неизвестно, но три года книга его валялась в Академии и напечатать ее не было соизволения Романовны. Одни говорили: она злобствовала за то, что Чулков сочинение свое осмелился помимо ее представить государыне. *La cronique scandaleuse en parle autrement*, что Чулков не пошел к Романовне ее утешить. Я знал Чулкова, когда он был уже обер-секретарем Сената в Московских департаментах... Вы спросите — да Новиков как замешался? Чулков, видев сочинение свое, обреченное Романовною валяться в прахе на полу, быть съеденным крысами, взял из театра отпуск, приехал в Москву. Новиков напечатал ему сочинение его; Чулков схватил 5—6 экземпляров, поспекал в Петербург и поднес напечатанное сочинение императрице. Государыня, приняв книгу, изволила сказать: „Ну, насилу-то Катерина Романовна поворотилась, — я три года ждала твоего сочинения“. Чулков упал на колени: „Виноват, всемилостивейшая государыня, я напечатал книгу на свой счет в вольной типографии“. — „Где?“ — спросила Екатерина. — „В Москве, в типографии Новикова“. — „В какое время?“ — „В 6 недель, ваше величество; я для этого отпуск испросил“. — „Спасибо тебе, Чулков, — ты меня утешил“, — изволила сказать государыня. Еще пожаловала ему награждение и, отпуская Чулкова, милостиво сказала ему: „Чулков, ты годишься и на лучшее дело, нежели быть скоморохом. Ты бы вступил в службу гражданскую“, Чулков, ободренный милостивым ласковым словом государыни, не замедлил расстаться с театром и из гистриона превратился в преполезного и почтенного обер-секретаря Сената.

По сравнению с этой ранней, окончательная версия рассказа А. М. Тургенева, напечатанная в «Русской старине» и пересказанная выше, отличается некоторым количеством «правдоподобных» уточнений: пазваны имя и отчество Чулкова (ошибочно — Михаил Петрович), объяснена однозначно причина недоброжелательства Дашковой и т. п. Сравнение редакций показывает, что Тургенев нечетко представлял разницу между «Историей коммерции», «Словарем учрежденных в России ярмарок» и «Новым и полным словарем Российского государства...» Л. М. Максимовича, куда «Словарь» Чулкова попал в порядке контрафакции. Из этих книг только «Словарь» Максимовича полностью печатался у Новикова в годы, близкие к процессу мартинистов.³⁹

³⁸ Памяти В. А. Жуковского и Н. В. Гоголя. Вып. I. СПб., 1907, отд. II, с. 8—37; приводимый ниже отрывок — на с. 24—25; сведения об истории текста в предисловии К. Я. Грота «В. А. Жуковский в Москве в 1837 году».

³⁹ Новый и полный словарь Российского государства... Ч. 1—6, М., Унив. типогр., у Н. Новикова, 1788—1789. «Словарь ярмарок» напечатан в 4-й и 6-й частях с отдельной пагинацией.

Рассказ Тургенева не соответствует реальной картине преследования масонов и Новикова. Но он подводит нас к истории издания многотомной «Истории российской коммерции».

Ее начали печатать с 1781 г. при Академии наук «на счет Кабинета е. и. в.». Вопреки обычному порядку, распоряжение об этом типография получила не через статс-секретарей, а от генерал-прокурора А. А. Вяземского. Поэтому С. Г. Домашнев был вынужден лично обратиться к А. В. Олсуфьеву с просьбой, ввиду огромного объема труда (7 частей) и значительного тиража (1500 экземпляров), субсидировать Академию «для приступления к делу». К 15 февраля 1783 г. были отпечатаны 2 книги 1-го тома. Дальнейшее печатание пошло значительно медленнее. С момента назначения Дашковой директором Академии наук (24 января 1783 г.) по 30 января 1786 г. типография отпечатала лишь первую половину 2-го тома, деньги за которую были исправно внесены из Кабинета.⁴⁰ Но Чулков печатание остальных томов уже в 1785 г. перенес в Москву.

Что касается задержек с печатанием книги и недоброжелательного отношения к Чулкову, то можно напомнить, что он был протеже А. Вяземского, с которым Дашкова, как и прочие Воронцовы, находилась в натянутых отношениях. Но основные причины переноса печатания в Москву были, по-видимому, еще более прозаическими.

В 1783 г. Чулков покупает в Дмитровском уезде деревни Коквино, Бутово, Поповку и, очевидно, обосновывается в своих поместьях, переведшись в московские департаменты Сената. Известно, что в декабре 1783 г. он посетил Москву; сохранилась автоэпитафия, сочиненная им в Вышнем Волочке во время этой поездки.⁴¹ В том же году в Москве у Гиппиуса переиздаются 1-я и 3-я части «Собрания разных песен», и остальные свои издания с этого времени Чулков печатает только в Москве. Остатки тиража 1-го тома «Истории коммерции» в августе 1783 г. по приказу автора получил его поверенный, петербургский купец Петр Мертенс, а авторские экземпляры 2-го тома были выданы сыну Чулкова, «канцеляристу Владимиру Чулкову».⁴² О переезде Чулкова из Петербурга свидетельствует и дата «9 мая 1785 года, в сельце Коквине» под «Наставлением сыну».⁴³

⁴⁰ Архив АН СССР, ф. 3, оп. 4, № 62/3, л. 1—8. Здесь находятся документы, связанные с печатанием книги в 1781—1783 гг., т. е. во время директорства Домашнева.

⁴¹ С таблички, приготовленной для надгробия. (Ирон-комическая поэма, с. 181).

⁴² Архив АН СССР, ф. 3, оп. 4, № 62/3, л. 8. Рапорт фактора М. Григорьева от 21 августа 1783 г.; ф. 3, оп. 1, д. 530, л. 550. Рапорт фактора М. Григорьева от 22 января 1786 г.

⁴³ Приложено к 1-му изданию «Экономических записок...» (М., 1788, с. 88). Сохранено в титульном издании 1789 г. и во 2-м, дополненном издании (М., 1790, с. 171) этой книги.

«История коммерции» была самым крупным коммерческим предприятием Чулкова. Благодаря ей он стал не только дворянином, но и помещиком, владельцем крепостных душ. Возможно, он действительно получил высочайшую награду за полезный для отечества труд, хотя в описаниях мемуаристов этот факт очень напоминает награждение «певца Фелицы». Но самым большим подарком была сама книга, которая принесла автору немалый доход. По подсчетам типографии 1-й том обошелся ей (округленно) в 5000 рублей, 1-я книга 2-го тома — в 3000 рублей. Тираж Чулков полностью получил в свою собственность.

Остальные тома, возможно, были запроданы Типографической компании; она, как выяснилось, была единственной, которая могла осуществить такой объем работы. На мысль о продаже рукописи наводит перепечатка «Словаря ярмарок» в книге Л. М. Максимовича. Вместе с тем, поскольку практика коммерческих сделок авторов с владельцами частных типографий до сих пор не изучена и не систематизирована, не вполне ясна самая возможность такого акта. В данном случае вопрос осложняется прямым утверждением самого Чулкова в «Известии» 1790 г., что все семь томов «Истории коммерции» были «напечатаны по высочайшему повелению на счет Кабинета». Не означает ли это, что стоимость печатания была оплачена Чулкову вперед? В этом случае он мог получить двойной гонорар за книгу — от императрицы и от издателя. Однако случаи финансирования изданий вне государственных типографий нам неизвестны.⁴⁴

Сам Чулков был очень осторожен в изложении финансовых отношений со своим издателем — Новиковым. Из объявления об условиях продажи «Истории коммерции» можно понять, что печатание не стоило автору ни гроша.⁴⁵ Говоря о себе в третьем лице, Чулков здесь подчеркивал дешевизну многотомного издания и ссылаясь при этом на «щедроты Великия Екатерины», благодаря которым он «приведен был в состояние напечатать обширное сие сочинение». Далее он говорит несколько яснее и определеннее: «Как он (Чулков, — В. С.) на печатание сей книги не употреблял своего капитала, то и поставляет себе за долг продавать ее столь дешевою ценою, какою еще ни одна книга, сколько ему известно, не продавалась, да и продаваться не может, то есть дешевле трех денег печатный лист». Для сравнения укажем, что столько же стоила одна «неделя» журнала «И то и сь» объемом в пол-листа.

Издание предполагалось кончить к середине 1787 г. Чулков был заинтересован в скорейшей продаже тиража. Поэтому назначалась большая разница между стоимостью подписки и розничной

⁴⁴ Несколько позднее практиковалась покупка на счет Кабинета уже изданных книг. О покупке 1150 экземпляров «Полевой карманной книжки» у ротмистра Басова см.: ЦГИАЛ, ф. 468, оп. 32, д. 68 (3).

⁴⁵ Московские ведомости, 1786, № 100, 16 октября, с. 877—879.

изданий Новикова. Вместе с тем 5-я и 6-я части повторяют заданный Чулковым тип издания: в каждой из них содержится по 200 песен, и даже, несмотря на изменение титульного заглавия, название чулковского сборника «Собрание разных песен» сохранилось в виде подзаголовка, открывающего непосредственную публикацию текстов.

Создается впечатление, что первоначальный план издания, предпринятого Новиковым, был в процессе работы изменен, чтобы сгладить впечатление прямой книгоиздательской контрафакции.

Сведением книгоиздательских счетов завершается история взаимоотношений двух писателей. Этот факт весьма знаменателен. Чулков к этому времени практически уходит из живой литературы. Новиков, напротив, именно в 1780-е годы расширяет деятельность Типографической компании, продолжая работу по воспитанию и просвещению общества.